ARH Diss. B-27137

Тартуский Государственный
Университет
Кафедра истории СССР

Дипломная работа
Ст-ки V курса Карповой Н.А.

Положение эстонского крестьянства в середине XIX века и критика его передовыми русскими общественными деятелями

Научный руководитель
старший преподаватель
Л. Эрингсон

TRÜ NSVLiidu
ajal. kat. nr. 1328.

г. Тарту
1957

Введение.

Предлагаемая к защите дипломная работа ставит своей целью дать краткий анализ положения эстонского крестьянства в I половине и в середине XIX века, и критику этого положения передовыми русскими общественными деятелями и идеологами революционной демократии.

Для написания работы использованы произведения классиков марксизма-ленинизма, аграрное законодательство, монографическая литература и статьи.

Методологической основой данной работы явились, главным образом, многочисленные высказывания Ленина по аграрному вопросу. В них („Аграрная программа социал-демократии в русской революции", „Проект речи по аграрному вопросу во II го-

государственной думе" и др.) Ленин останавливается на характеристике буржуазных черт аграрных преобразований, выясняет взгляды социал-демократии на аграрные отношения и выдвигает свой проект революционных преобразований.

В работе „Пятнадцатилетие падения крепостного права в России" Ленин останавливается на вопросе о сущности отмены крепостного права в России в 1861 году, анализирует положение крестьянства после отмены.

В работе „Крах II Интернационала" важным для данной дипломной работы является учение о революционной ситуации.

Формирование взглядов Герцена его роль в революционном движении дана в статье Ленина „Памяти Герцена."

Для характеристики положения феодального крестьянства использованы аграрные законодательства 1816-1819 годов, 1849, 1856 годов.

богатый материал о положении эстонского крестьянства имеется и в кандидатской диссертации Ю. Кахка "Крестьянское движение 1858 года в Эстляндской губернии (Война в Лахтра)", где одновременно с достаточной полнотой освещены и вопросы классовой борьбы в эстонской деревне.

Выступления идеологов крестьянской революции Чернышевского, Герцена, Огарева о положении эстонского крестьянства, их борьба за полное освобождение крестьян с землей взяты в основном из органов революционной демократии середины XIX века — „Современника" и „Колокола", в которых просмотрен весь материал, относящийся к эстонским аграрным отношениям и классовой борьбе в Прибалтике.

Существенный интерес при изучении данной проблемы представляет группа демократически настроенной интеллигенции Таммсаа, выпустившая книгу „Эстонец и его господин." Высказываемое

мнение, что автором её является К. Благовещенский, но, как видно из неопубликованной советских историков, автор книги точно не установлен. Несомненно, однако, что она относится к демократически настроенной интеллигенции Таллина, которая высказала свое резко отрицательное отношение к привилегированному прибалтийскому дворянству и сочувствие к угнетенному крестьянству. В книге вскрыты действительные причины крестьянских волнений 1858 года, правильно оценено положение эстонских крестьян; в то же время автор не видит правильного, революционного пути для разрешения вопроса: он обращается не к крестьянам, а царскому правительству, которое путем реформ могло бы улучшить положение.

Для характеристики деятельности таллинской группы использованы статьи: Кахка „Колокол Герцена и крестьянское движение в Эстонии накануне и во

времени революционной ситуации 1859-1861 гг."[1] и Miller „Eesti sõdemeist Tallinna progressiivsete haritlaskeda."[2].

Из художественной литературы использована трилогия Вилде-его исторические романы „Война в Махтра", „Ходоки из Ашия", „Пророк Малийевит".

1. Известия АНЭССР, №3, 1953.
2. Известия АН ЭССР, №2, 1954.

Положение эстонского крестьянства в середине XIX века.

В Прибалтике в начале XIX века намечается упадок феодально-крепостнической системы хозяйства и развитие в недрах его новых капиталистических отношений. Развитие капиталистических отношений как в промышленности, так и в сельском хозяйстве происходило, с одной стороны, за счет обогащения класса крупных землевладельцев и класса капиталистов, и, с другой стороны, за счет разорения мелких крестьянских хозяйств, дальнейшего обнищания крестьянства, за счет образования класса пролетариата, который вынужден был на выгодных для хозяев условиях продавать свою рабочую силу.

Как учит В. И. Ленин, в истории

"известны два пути развития капитализма в сельском хозяйстве, которые он назвал "прусским" и "американским." Победа первого или второго пути определяется в зависимости от того, становится ли носителем капитализма вчерашний помещик или крестьянин. В случае победы дворянства, старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, "юнкерское" хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства."[1] Крестьянская масса попадает под гнет двойной эксплоатации - крепостнической и капиталистической и страдает не столько из-за капиталистического развития, сколько из-за недостаточного развития капитализма.

Классовая борьба крестьянства против реакционного прусского пути развития капитализма в условиях

1. Ленин, Соч., т. 3, стр. 10.

как правило, носит стихийный неорганизованный характер. Даже во время восстаний крестьяне с трудом усваивают мысль, что с помещиками нужно вести не торг, а борьбу. Ярмо крепостничества нужно не чинить, а разбить его, чтобы навсегда уничтожить остатки крепостничества. Об'ективно крестьянская борьба ведется за победу революционного пути развития капитализма в земледелии, независимо от того, сознают ли участники этой борьбы свои цели или нет.

В случае победы крестьянства, старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьей земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены

следы крепостничества"[1]

На первых порах крестьянское хозяйство сохраняет мелкобуржуазный характер, но в процессе разложения крестьянства выделяются крупные капиталистические хозяйства. В случае победы революционного пути, когда земля переходит в руки крестьян, и, стало быть, экспроприацией помещиков разрушаются остатки крепостнического хозяйства, за крепостническим хозяйством никогда непосредственно не следовала и не может следовать капиталистическое хозяйство - между ними стоит мелкобуржуазное хозяйство, которое сменяет крепостническое хозяйство и затем переходит в капиталистическое.

В аграрной политике Прибалтики победил реакционный путь развития капитализма, который был связан с очень тяжелыми и невыгодными для крестьянства условиями и последствиями. Поэтому в свете учения В. И. Ленина о путях

1. Ленин, Соч., т. 3, стр. 10-11.

развития капитализма в земледелии борьбу крестьянства за революционный путь развития следует оценить как исторически прогрессивное явление, несмотря на её стихийный характер и иногда весьма отсталые формы.

Прибалтийское дворянство издавна стремилось захватить в свое владение все крестьянские земли и "освободить" таким образом крестьянство от крепостной зависимости, т. е. "даровать" ему личную свободу. Свои планы дворянство совместно с царским правительством законодательно осуществило в изданиях законов о положении Эстляндских и Лифляндских крестьянах 1816-1819 г.г. Закон признал крестьян лично "свободными", иными словами, отменил их прикрепление к земле. Сделав такую уступку крестьянству, как "дарование" им личной свободы, помещики, разумеется, позаботились и о своем благополучии, а именно: они добились признания за ними права собственности на землю, которая на-

ходилась до этого во владении крестьян. Таким образом, получив личную свободу, крестьяне в то же время теряли свою землю, которая стала собственностью помещика.[1] Вместе с тем помещик получил право сдавать эту землю в арендное содержание крестьянам на основе "свободного договора", т. е. на основании "добровольных соглашений между поземельным собственником и арендатором."[2] Если внимательно присмотреться к условиям "свободного договора", к последствиям его применения, то становится совершенно ясным, что он удобен и выгоден только для одной стороны — для продавца, обременительным и вредным, а иногда и разорительным для другой стороны — покупателя. Этот договор не обоюдно-свободный и соглашение не обоюдно-добровольное в экономическом значении этого слова, а односторонне-добровольное, потому что покупатель вынужден под-

1 ПСЗ, т. 33, стр. 544.
2 Там же, стр. 553

чинятся воле продавца, на стороне которого находится вся экономическая сила. Таким образом, крестьянин, в силу своего бесправного положения, вынужден был соглашаться на все условия, предлагаемые помещиком в арендном контракте, в противном случае он мог оказаться в числе безземельных рабочих.

Новое положение, освободившее крестьян от крепостной зависимости, по сути дела ничем не улучшило положения крестьян: прикрываясь формой „освобождение", дворянство ставило крестьян еще в большую зависимость от помещика, чем это было до издания закона об „освобождении."

После так называемого „освобождения" эстонское и латышское крестьянство не избавилось от барщины, которая, наоборот, росла из года в год. Барщина исторически является предпосылкой и условием возникновения личной зависимости или крепостного

состояния крестьян. Маркс отмечал, что „там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, крепостное состояние возникало из барщины."[1]

Кроме основной барщины на крестьян была возложена еще и вспомогательная барщина. Что представляет из себя вспомогательная барщина, можно убедиться на примере анализа одного арендного договора, заключенного между землевладельцем и крестьянином. Крестьянин был обязан: 1). В продолжении одного года давать мне одного работника с упряжкой на полтора дня каждую неделю.

2). Одного работника без упряжки на полтора дня каждую неделю с Юрьева дня (23 апреля) до двух недель после Михайлова дня (29 сентября).

3). 4 дня с упряжкой для возки сена.

4). Шесть хозяйских дней без упряжки.

---

1. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 242.

5). Убрать полдесятины озимых и полдесятины яровых.

6). Одна порядковая неделя летом и две зимой (в первую неделю крестьянин обязан был выслать одного работника для работы в каждом хлеву).

7). В один год восемь, в другой девять рабочих дней на вывоз-рение.

8). Один день с упряжкой для колки льда.

9). Помещичьих овец стригут и на помещичьих полях спят дворохозяева.[1]

Повинности по первым двум статьям считались ординарной барщиной, остальные - вспомогательной. Повинности по вспомогательной барщине падали как раз на страдную пору полевых работ. Большую часть времени крестьянину приходилось проводить на помещичьих полях, а время для работ на своем поле у него почти не оставалось. Вот почему этот вид повинности

был особенно ненавистен крестьянам.

В середине XIX века вспомогательная барщина достигла огромных размеров по сравнению с ординарной. Особенно тяжелой она была при таких работах, которые велись без тягла — здесь она равна ординарной барщине или превышает ее в 1½-2 раза. Ординарная барщина - вспашка полей, или вспомогательной барщины с упряжкой использовались для перевозок, а также для некоторых сельскохозяйственных работ — посев, уборка урожая, сенокос. На помещичьих полях всю работу выполняли барщинники при помощи убогого инвентаря. Попытки применения некоторыми помещиками усовершенствованных сельскохозяйственных орудий закончилась неудачей.

Надо сказать, что положение эстонских крестьян до 60-х г. XIX века во многом похоже на положение русских крестьян во второй половине XIX века, закабаленных отра-

ботками, которые были пережитком крепостнического порядка. Так и при отработках в 20-50-х годах в Эстляндии „особой эксплоатации являлась не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней разорённого крестьянина, не капитал собственника, а по земля, не инвентарь латифундий, а старинная соха крестьянина."[1] В. И. Ленин, анализируя сущность отработок, отработочного хозяйства, писал: „Отработочное помещичье хозяйство есть прямое наследие, прямой пережиток крепостнического барщинного хозяйства помещиков. В чём состояла сущность крепостнического хозяйства? В том, что крестьяне получали от помещика надел для прокормления своей семьи, а за это должны были работать три дня (а иногда и больше) на земле помещика. Вместо того чтобы платить рабочему деньгами, как

---

[1] Ленин, Соч., т. 15, стр. 136.

платят теперь повсюду в городах, платили землей. С надела, получаемого от помещика, крестьянин мог едва-едва прокормиться. И за этот корм крестьянин и вся его семья должны были обрабатывать помещичью землю крестьянскими лошадьми, крестьянскими орудиями или „инвентарем". Такова сущность крепостнического хозяйства: нищенский надел вместо платы за труд; обработка помещичьей земли крестьянским трудом и крестьянским инвентарем, принуждение крестьянина работать из-под палки.... Крепостное право считается отмененным. Но на деле у помещиков осталась и до сих пор такая власть в руках (благодаря награбленным ими землям), что они и теперь держат крестьянина в крепостной зависимости — посредством отработков. Отработки — это и есть современное крепостничество." [1]

Крестьянин, отбывающий отработки,

---

1. Ленин, Соч., т. 12, стр. 235-6.

имеет некоторые гражданские свободы, которых не имел крепостной. Он может приобретать личное имущество, не может быть наказан без судебного приговора, он волен устраивать свою семейную жизнь, свободен выбирать, на какого хозяина и в какие дни, за какую плату ему работать, может переселяться с разрешения общины и государственных властей. Эстляндские крестьяне 20-50 гг. XIX века были лишены очень существенных из этих гражданских свобод. Они подвергались без всякого судебного приговора помещичьей домашней расправе, они не могли выбирать ни места, ни рода занятий без разрешения своего помещика.

При рассмотрении правового положения крестьян довольно-таки ясно видно существование крепостнических отношений, хотя и несколько изменённых. Положение 1816 года значительно урезало право приобретения крестьянами

личного имущества. Крестьянский хутор, его хозяйственные строения, основной рабочий скот, железный инвентарь и семена для посева считались собственностью не крестьянина, а помещика. Даже тогда они считались собственностью помещика, когда крестьяне заводили свое хозяйство на пустом месте, ничего не получив от помещика. Каждый эстляндский крестьянин-двороховяин должен был в продолжение 1-4 лет приобрести необходимый железный инвентарь.[1] Когда крестьянин покидал арендный участок, при его банкротстве, или уходил с участка даже не по своему желанию, весь железный инвентарь от него безвозмездно отбирался.[2] Как указывалось выше, взаимоотношения между помещиком и крестьянином должны были складываться на заключенных между ними арендных договорах. Крестьянин-арендатор, не имевший письменного договора,

---

[1] ПСЗ, т. 33, стр. 721.
[2] ПСЗ т. 33, стр. 724.

полностью зависел от произвола помещика, был лишен какой бы то ни было юридической защиты. Он мог быть согнан с участка в любое время без всякого предупреждения, в любое время могла быть повышена арендная плата. Его положение арендатора с письменным контрактом тоже было крайне непрочно. В распоряжении помещика имелось достаточно законных поводов для досрочного расторжения контракта. В том же случае, если отсутствовали законные поводы, действовало беззаконие местных судов. Наиболее распространенными поводами для досрочного расторжения контрактов являлось обвинение арендатора в плохом содержании построек усадьбы и в истощении почвы арендованного участка. Такая система „свободных" договоров" при сдаче земли в аренду крестьянам давала помещикам неограниченные возможности повышения аренды.

Телесные наказания крестьян со-

хранились и были не только правом но и обязанностью помещика.

„Каждый хозяин имеет долг исправлять своих работников и слуг домашними мерами и посему он вправе за невыполнение должности удерживать их в повиновении умеренным наказанием и приучать к порядку. Позволяемое ему в таких случаях наказание может простираться от 1 до 15 палочных ударов, а относительно женщин, малолетних и слабого сложения людей от 1 до 30 ударов розгами. Каждый хозяин властен передать право наказывать дома своему управителю, смотрителю или уполномоченному."[1]

За увеличение законной меры наказания помещикам угрожал.... незначительный штраф в размере от 5 до 50 руб.[2]

Самым бесправным и беспомощным было положение крестьян во время барщины на помещичьих полях, когда их секли при всяком

---

[1] ПСЗ, т. 33, стр. 764-5.
[2] Там же, стр. 765.

удобном случае. „Вскоре розовое тело мальчика обагрено и быстро розовеет еще больше. Бедняга воет так, что крик разносится по всему имению. Всякий, кто слышит его, затыкает уши, у парней душа уходит в пятки.... После мальчика наступает очередь девушки. Она все еще молит о пощаде, хотя понимает, что это бесполезно. Кай полумертва от страха и стыда. Стороне, могучий старик с угрюмым лицом, окунает розги в чашу с рассолом и принимается за свое мрачное дело. Девушка кричит еще пронзительнее, еще истошнее, чем мальчик. Крик ее, постепенно переходящий в вой, каждого пронизывает до мозга костей."[1]

В представлении помещиков эстонцы-крестьяне не люди, а животные и относятся к ним как к животным. Один помещик говорил, что отличить от собаки можно этих только тем, что они владеют речью. Убив на поле работающего мальчика, помещик заявил, что

1. Э. Вилде, Война в Махтра, стр. 20.

человек не что иное, как говорящее животное.[1]

Положением об „освобождении" крестьянам запрещалось переселяться в другие губернии и поселяться в городах Эстляндской губернии.[2] Для того чтобы перейти из одного имения в другое, крестьянин должен был предъявить в приходский суд письменное свидетельство от своего помещика о том, что тот его отпускает, и свидетельство от нового помещика, что тот его принимает. Но переселяться крестьянин может только в том случае, если переселение в одном городе не превышает 5% числа народа в волости.[3] Для переселения в город „свободный" крестьянин должен был сделать следующее:

1). Вперед уплатить казенные и волостные подати.

2). Представить значительный залог.

3). В кассу работников внести от 2-4 рублей.

---

1. Кахк, Крестьянское движение 1858 г. в Эстляндской губернии, стр. 85.
2. ПСЗ, т. 33, стр. 847.
3. Эстонец и его господин, стр. 82-3.

ч. Быть не моложе 25 лет. Если в волостном был недостаток в рабочих, то волостной суд (который полностью зависел от помещика) мог отказать в выдаче паспорта и перехода в город.[1]

Законами 1816-19 гг. был введен новый порядок выбора волостных судей с целью еще большего подчинения волостных правлений и суда надзору помещика. Каждый волостной суд должен был состоять из председателя и не менее чем двух заседателей.[2] На каждое место волостное собрание выбирало трех кандидатов, одного из них помещик утверждал в должности. Если помещику не нравился ни один из представленных крестьянами кандидатов, он мог потребовать, чтобы выбрали других. Это обеспечивало помещикам еще большую власть над волостными судами, чем было определено "Положением о крестьянах 1804 г."

Наряду с волостным судом, в

---

[1] Земцев. К аграрному вопросу в дворянской, стр. 13.

[2] ПСЗ, т. 34, стр. 586.

каждой волости было учреждено волостное правление с двумя волостными старшинами. Волостные старшины заведовали кассой волости, хлебным магазином, отвечали за распределение и взыскание налогов, следили за отбыванием барщины и выполнением других обязанностей. Волостных старшин, как и судей, в должности утверждали помещики. В своей деятельности волостные старшины и судьи были подчинены строгому контролю помещиков и мирской полиции.

После организации волостей за сбор государственных податей с крестьян, за исполнение прочих общественных обязанностей полностью отвечали теперь волостные старшины и волостные судьи. Но это не мешало помещику, вопреки закону, использовать волостные магазины, чтобы „занять" там хлеб для вспахивания или засева полей имения.

Одной из самых тяжелых обя-

занятией волости была сдача рекрутов или их выкуп. Судьи, волостные старшины, хозяева и их старшие сыновья были освобождены от воинской повинности, в рекруты обыкновенно сдавали батраков и бобылей, поскольку они не в состоянии были заплатить выкуп. В случае, если выкуп за батраков и бобылей платила волость, по указанию волостного суда они должны были служить у хозяев до тех пор, пока не отработают всю сумму выкупа. В приходский суд председателя избирали местные помещики, а трех заседателей - волостные судьи.[1] Организация суда носила классовый характер, и, несмотря на то присутствие в некоторых судах заседателей от крестьян, и вполне соответствовала интересам помещиков.

Крестьянин испытывал гнет помещика с двух сторон: с одной стороны, помещик цензурой кре-

---

[1] ПСЗ, т. 34., стр. 592.

стьян чрезмерным трудом на полях имения; с другой стороны, теснили и грабили их как мелких арендаторов, отнимая от них часть или всю землю.

Во второй четверти XIX века происходит массовое уничтожение крестьянских хозяйств и присоединение их к земле к полям имения. Один из современников пишет: "Во время своих поездок по Эстляндии я часто видел стоящие пустыми крестьянские дома, или печи сломанных крестьянских жилищ среди новых барских полей, и, конечно, каждому эстляндцу известны самые недавние случаи по время разрушения крестьянских дворов и деревень и превращения их в барские поля."[1]

В то время как в Эстляндии в 1842-44 гг. соотношение помещичьей и крестьянской земли было 1:1 в Лифляндии оно было 1:2,1[2]. Данные книги „Эстонец и его господин" убедительно говорят

---

1 Eesti NSV ajalugu, 1 k., lk. 607.

2. Эстонец и его господин, стр. 45, 78.

О том, что крестьяне Эстляндской губернии были вовсе меньше обеспечены землей, нежели крестьяне Псковской губернии.[1] Таким образом, факты говорят о том, что эстляндское крестьянство по сравнению с лифляндскими и крестьянами Псковской губернии имело самое меньшее количество земли, отсюда и его бедственное положение, постоянный голод.

Все население Эстляндской деревни уже с XVI – XVII в. можно разделить на три группы:

1). дворохозяева - арендаторы
2). батраки
3). бобыли.

Распределение земли между этими группами было неравномерно. Большинство батраков и бобылей совсем не имело земли и совсем малая их часть имела кусочки огородной или пахотной земли. Самостоятельное хозяйство имели право вести только дворохозяева.

---

1. Кахк, Крестьянское движение 1858 г. в Эстляндской губернии, стр. 87.

Но и последние были неравномерно наделены землей. 6-дневные (были еще 5-дневные, 4½, 3½, 2½, 1-дневные)[1] крестьянские хозяйства имели, по сравнению с остальными, вдвое большее количество земли. К числу арендаторов-дворохозяев можно отнести еще корчмарей, мельников, сельских купцов, арендаторов кирпичных заводов. Эксплоатируя окрестных крестьян, они тем самым подтачивали свою зажиточность. Уже в середине XIX века в эстляндской деревне намечается дифференциация крестьянства на два резко отличающиеся группы — на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. В лице зажиточных дворохозяев, корчмарей, мельников мы видим возникающую сельскую буржуазию. По наблюдению ландмаршского офицера Щербачева, арендаторы-эстонцы и латыши, эти представители нарождающейся сель-

1. 6-дневными, 5-дневными и т. д. они назывались потому, сколько барщинных дней в неделю (организованная барщина с управляющего) должен был отработать дворохозяин на поле помещика.

ской буржуазии были самыми бессовестными и жестокими эксплоататорами крестьян.

" Арендаторы - это самые злые пиявки, которые у несчастных крестьян высасывают всю кровь, это те, кто разоряет местные мызы, которые по большей части находятся в их руках. Собственниками они платят небольшие суммы, стараясь самим приобрести богатство. Но за счет кого? За счет крестьян, которые для них являются почти рабами. Особенно ярко это выражается там, где арендаторы вышли из среды самих крестьян - это злейшие враги рода человеческого. Они лучше всего знают условия крестьянской жизни и их тихий нрав, обременяют их жизнь чрезмерными тяжестями и превращают их в тому мужих. Несмотря на все это,

помещики продолжают и дальше отдавать свои земли в аренду таким людям! Работая и угождая перед барониами, корчмари, мельники, управляющие и арендаторы имений были настоящими эксплоататорами и гнетами крестьянских масс.[1]

Арендаторов 4,3-душевых участков, а также 2,1-душевого можно отнести к средним крестьянству. Арендаторы 2,1-душевых хуторов владели бобыльскими участками. Хозяева этих участков не работали на своих полях, а нанимали работников, которых посылали на работу на чужие поля. В страдную пору выходили на работу и двороходцами с семьей его дети.

Тяжелой работой для крестьян было выкуривание. Помещиком уже заранее было указано, сколько спирта дол-

---

1. История Латвийской ССР, т.1, стр. 508.

чем получить крестьянин из данного количества зерна; в случае, если это не удавалось, крестьянин должен был заплатить за недостачу спирта. Крестьяне приобретали преимущественно рабочий скот, который в период полевых работ находился на барских полях, которые обрабатывались примитивными крестьянскими инвентарем. Дворохозяева также содержали батраков, которых посылали на работу на барские поля. Батраки нанимались у хозяев или на целый год, или только на лето. Более выгодными хозяева считали нанимать холостых батраков и батрачек, с которыми заключали договор на год или на три. Женатых батраков нанимали только в летние месяцы, зимой же они вынуждены были искать пропитание, по-

добыл бобылями, случайной работой. От хозяина батрак получал питание и одежду, иногда получал немного ржи. Вместо хлеба хозяин мог дать батраку земли для посева озимых. В очень редких случаях батраки получали денежное вознаграждение.

Бобыли[1] имели маленький кусочек пахотной или огородной земли, маленькую избушку, иногда корову, а чаще всего несколько голов мелкого рогатого скота. Жили они в так называемой "бане", не имели своей риги, "для" сушки зерна. Не имея своего рабочего скота, бобыль был вынужден нанимать его, платя за это рабочими днями. Летом он должен был работать на хозяина два дня в неделю без упряжки.

---

1. Под названием бобыли объединялись все деклассированные элементы тогдашнего крестьянства: бывшие хозяева, батраки, которые не могли найти работу у хозяина.

По существу мызные бобыли были постоянными работниками мызы, которые вместо денежного или натурального жалованья получали крохотный земельный участок. Современник пишет о них: „ Во время моих прогулок уже при поездке сюда, я часто видел бледных мужа, особенно женщин, которые скользили мимо, как привидения, и когда я спросил кто они, мне ответили „ это бобыли."[1] Бобыли жили в настоящих норах. „ Люди выкопали себе в песчаных холмах дыры, положили такую же подстилку, поставили внутри примитивные печи, поставили на края норы несколько слоев бревен, чтобы получить какую-то основу для крыши, выпросили немного соломы для крыши, а иные употребляли для этого даже еловые ветви, и дом был скоро построен."[2]

---

[1] Kahk, Крестьянское движение 1858 г. в Эстляндской губернии, стр. 156.

[2] Eesti NSV Ajalugu, 1 к. стр. 614.

Во время летней страды бобыль работал в качестве подёнщика, своих детей отдавал в пастухи, а подростков - в батраки. Очень часто труд детей был единственным доходом бобыля. Чтобы найти выход из своего тяжкого состояния, бобыли нередко со своей семьей направлялись в город. Но, не имея паспортов, они не могли найти работы и вынуждены были заниматься нищенством. Городская полиция преследовала этих несчастных и при помощи земских судей высылала обратно в волости. Но и волостным правлениям они были в тягость, так как обычно бобыли не могли уплатить за себя подушную подать, и она распределялась между другими плательщиками. Неспособным к работе бобылям выдавали ничтожное количество хлеба из волостных магазинов. „Но недоеда-

ток питания, - рассказывает Щербачев, - и полуголодные дети поневоле заставляют этих бедных людей снова, хотя бы разрешения, бросить деревню и искать пропитание в городе в качестве подмастерьев, так как в деревне нет никого, от кого можно было бы ждать помощи. У хозяев самих нет хлеба, а администрация имения состоит из людей, у которых нет сострадания — они заботятся только о себе."[1]

Чтобы не умереть с голода, бедняки-крестьянство питалось отбросами. Историческое предание говорит о том, что крестьяне ходили весной на мызные поля собирать там оставшуюся картофель и питались ею. В голодные годы ели мякинный хлеб, который горел как торф, и был настолько колок, что дети плакали, когда ели его. Постоянный го-

[1] История Латвийской ССР, т. 1, стр. 510.

лод - одна из причин медленного прироста населения. Это хорошо видно из следующих данных:[1]

Годы	Количество населения
1816-1834	229-282 тыс.
1834-1850	294 тыс.

Число крестьян обоего пола в 1850 г. составляло 263,488 тыс.[2] Все это говорит о том, что эстляндский крестьянин не мог прокормить и себя и семью, ибо источник существования у него был один - земля, на деле же которая принадлежала не ему, а помещику. Голод, недостаток земли, тяжелые крепостнические повинности были причиной постоянных конфликтов между крестьянами и помещиками.

40-е годы XIX века - годы крупных крестьянских волнений в Эстляндии и Лифляндии. Причиной крестьянских волнений являлось резкое усиление помещичьей эксплоатации. Барщинные повинности

---

1. Эстонец и его господин, стр. 38.
2. Там же, стр. 38.

были несравненно трудоемки, на обработку полей клевера, льна, картофеля крестьяне тратили намного больше времени, чем за это зачисляемое барщинных дней; много времени отнимали поездки на сенокос; кроме того, помещик требовал отработки летом зимних барщинных дней. Помещики, расширяя свои поля, уничтожали много крестьянских хуторов. Крестьяне были недовольны волостными судами, где судьями были сами помещики или угодные им лица. Так же положение обострилось из-за шуровства, который был закономерным явлением и очень часто повторялся. Но нельзя говорить о всеобщем неурожае, так как на полях помещика неурожая не было. Причиной неурожая на крестьянских полях являлась экстенсивная обработка земли. Это объясняется тем, что крестьяне из-за тяжелой барщины не имели ни времени,

ли от сельскохозяйственных орудий, ни свободных рук, ни удобрений для обработки своей земли, что в конце концов приводило к оскудению почвы и неурожаям. Доходы крестьянского хозяйства, за исключением лыка, зависели от урожая хлеба. Но даже при хорошем урожае крестьяне ели-ели сводили концы с концами. После расчетов с помещиком у него оставались скудные запасы хлеба и семян. Очень часто крестьянин получал урожай ниже среднего, тогда вместо обычного недоедания в крестьянских семьях наступал настоящий голод, за которым следовали массовые эпидемии и смертность. Однако нельзя считать неурожаи, голод главной причиной крестьянских волнений. Сами крестьяне заявляли, что они не могут и не хотят оставаться в Лифляндии, так как

годов им приходится жить в безнадежном и бесправном положении. Их называют свободными людьми, но на деле они ничего не знают о свободе и полностью подчинены власти помещика, которые утверждают, что их крестьяне должны работать столько, сколько это потребуется для барского хозяйства. В своих заявлениях крестьяне выражали желание переселиться во внутренние губернии России, чтобы там искать лучших условий жизни.[1] Но в Лифляндии это движение сильнее было выражено, нежели в других губерниях. В 1846 году крестьяне толпами ходили в 1846
Ригу и просили разрешения на переселение. Крестьян, которые приходили в Ригу за паспортами для переселения, публично секли на площади. Во всех уездах и приходах с помощью войска секли непокорных крестьян.[2]

1. История Латвийской ССР, т. I, стр. 513.

2. Замысв, О крестьянской земле в Лифляндии, Рига, 1913, стр. 92.

Переселенческое движение в Эстляндской губернии отобразил в одном из романов своей трилогии "Пророк Мальтсвет" Э. Вильде.[1]

перевод

"7 сентября 1841 года произошло крупное выступление эстонских крестьян, известное под названием "Война в Пюхаярве." Для подавления" его была послана рота солдат. Когда они прибыли и обыскали квартиры крестьян, то оказалось, что они пусты - все крестьяне ушли в лес. Солдатам было приказано арестовать и наказать более активных участников восстания, но крестьяне решили помешать этому и обратились за помощью к крестьянам соседних волостей. К ним на помощь пришли крестьяне из Гальпера и Арула.[2]

8 сентября поротых в 70 человек (другая половина осталась в Пюхаярве) двинулась к лесу и пыталась захватить крестьян,

1. См. Э. Вильде пророк Мальтсвет.
2. Н. Кийк, Рийдайчее зёда, стр. 21.

но это не удалось.[1] Крестьяне, собрав все силы, двинулись на имение, откуда навстречу им вышла рота солдат; крестьяне вынуждены были вернуться в лес. В этот день и на следующий удалось арестовать многих участников восстания. В конце сентября в Тарту проходил суд над участниками восстания. 36 человек суд приговорил - прогнать сквозь строй в 500 человек, многих приговорили к отправке в Сибирь, некоторых отдали в рекруты, а часть отправили на каторгу.[2]

Примерно в это же время прошло восстание в Васкемыза.

8 сентября - крупное восстание латышских крестьян в имении Ядукебры.[3] Когда явилась карательная экспедиция во главе с членами

1. Н. Хяльм, Rõhajärve sõda, стр. 21.
2. Там же, стр. 34.
3. Там же, стр. 31.

уездного суда, крестьяне, которых в имении было много в связи с уборкой картофеля, отразили это вандалов нападение. В столкновении один из судей был ранен, крестьяне потребовали выдачи им и другого судьи, который укрылся в имении. Хотя крестьяне и окружили имение, ночью судья с солдатами убежал. Так возник Лумбебрский „картофельный бунт", для подавления которого было послано семь рот солдат и 40 казаков с двумя пушками. Арестованных безжалостно секли затем суд приговорил 113 человек к тяжелым наказаниям: всех прогнали сквозь строй от 55 до 500 солдат. Вместо наказания назначалась по произволу помещика.[1] —totlased

В 1841-42 гг. происходили массовые волнения крестьян в Лифляндии, частично в Видземе, но все они жестоко подавлялись.

[1] История Латвийской ССР, т. 1, стр. 514-515.

Поводом для нового подъема крестьянских волнений был неурожай в 1844 году и последующий за ним голод и падеж скота. В 1844-45 гг. у крестьян Лифляндии и Саарамаа умерло из-за недостатка питания и болезней 19.600 лошадей, 53.135 голов крупного рогатого скота и 180.481 овца. Массовая смертность наблюдалась и среди населения. Об этом говорит тот факт, что смертность в Лифляндии в 1845 году превысила рождаемость на 1077 человек.[1] В надежде получить землю и избавиться от произвола помещиков, крестьяне Латвии и северной Эстонии стали массами переходить в "царскую", или как они называли "государственную" веру. Здесь "проявился наивный монархизм крестьян - вера в мудрого царя-батюшку, который "улучшит" их положение. Если в 1841 году наблюдается массовое стихийное стремление крестьян по-

1. Eesti NSV ajalugu, 1 k., стр. 622.

получить землю „на юге", что в 1846 г. появляется их стремление получить землю на месте в виде „душевого надела." Крестьяне отлично понимали, что если они получат „душевой надел" по примеру русских крестьян, то тем самым избавятся от нищеты. Требование „душевого надела" по существу означало требование раздела помещичьей земли между крестьянами. Большую роль в этом движении играли бобыли, батраки и малоземельные, которые страдали не только от гнета помещиков, но и от гнета крестьян-арендаторов. Местные помещики и пасторы повели отчаянную клеветническую агитацию среди крестьян, однако движение росло. В 1846 году оно охватило крестьян Сааремаа, в 1847 году - Рятлика, Тюлева, Выйку.

Крестьянское движение 1845-1848 гг. было стихийной борьбой крестьян против феодально-крепостнических

отношений, против эксплоатации за свободное крестьянское землевладение. Волнения эстонских и латышских крестьян 40-х гг. XIX века со всей остротой опять поставили на повестку дня аграрный вопрос. Для некоторого ослабления создавшегося положения необходимо было издать новый аграрный закон. В 1849 году был утвержден закон о лифляндских крестьянах, который вступил в силу 20 ноября 1850 года; и для эстляндских крестьян закон 1856 года.

По закону о лифляндских крестьянах 1849 года от мызной земли, которая оставалась в неограниченном владении помещика, была отделена крестьянская земля (вакковая). Вакковую землю помещик мог отдать только в аренду, или продать крестьянам, но не присоединять к мызной. Как компенсацию за эту уступку помещик

получил право отделить от крестьянской земли значительный участок, так называемой квотной земли. Таким образом, вышная земля каждого поместья делилась на две части - прежнюю вышную землю и квоту, оставшаяся же крестьянская земля (вотчина) получила название повинностной. В отношении к неполному повинностной земли, принадлежащие к каждому имению, делятся на податные и неподатные. Неподатной землей является прежняя вышная, податной - квота и повинностная. Поэтому землю каждого поместья можно разделить:

Вышная земля
1. Вышная неподатная земля
2. Вышная податная земля или квота.

Повинностная земля податная.

Согласно закону, вся вышная земля "предоставляется столиц, во всех отношениях, в свободное и безусло-

кое распоряжение помещика," который „властен по своему усмотрению и без всякого надзора пользоваться мызной землей и предназначать оную на какое бы то ни было употребление."[1]

Помещик сохраняет право в любое время по своему усмотрению устанавливать новое разделение повинностной земли и ее участков, изменять их хозяйственное устройство, производить обмен угодий.[2] Мызою считали, по положению 1849 года, является обеспечение благосостояния мызных рабочих. Но, так как способ пользования мызной землей был предоставлен на усмотрение помещиков, то и способ обеспечения рабочих зависел от него: он может или поселять их на мызу, или обеспечивать их из доходов от мызы. Однако, крестьянским Положением не установлен контроль над тем, чтобы по-

[1] ПСЗ, т. 24, стр. 410.
[2] ПСЗ, т. 24, стр. 411.

мещик действительно обеспечивал рабочих за счёт квоты. Поэтому помещики пользовались квотой в своих целях, не обеспечивая мужских рабочих.

Вакховые, или крестьянские земли, которые помещик не мог присоединить к мужским полям, он сдавал в аренду, продавал крестьянину или оставлял необработанными. В любое время и по своему усмотрению помещик мог прогнать хозяина с участка, поэтому ни о какой защите прав крестьянина не может быть и речи.

Прежняя барщинная аренда рассматривалась законом как "переходный этап" к денежной аренде. Величина барщинной аренды не могла превышать ту, которая указывалась в вакховых книгах, но величина денежной аренды, как и условия покупки земли, зависели от обо-

ющего „свободного" соглашения. Надо отметить, что величина барщинных повинностей, указанная в вакковых книгах, почти не уменьшилась, можно сказать, даже увеличилась по сравнению с законом 1816-1819 гг. Закон 1849 года о барщинных повинностях говорит следующее:

„Барщинные повинности выполняются в отношении ко времени работ: 1) в виде обыкновенной барщины, т.е. в виде известного числа рабочих дней, распространенных поровну на каждую неделю и выполняемых весь год в последовательном порядке, с упряжкою или нет, с 23 апреля по 29 сентября каждого года.

2) в виде вспомогательной барщины, в виде рабочих дней летних или зимних, выполнение которых требуется по мере потребности лишь в известное время, при выполнении определенных работ. Посредством обык-

новенной барщины производятся работы: 1). вспахивание и засев озимых и яровых полей 2). привоз зимой леса и разных материалов. Посредством вспомогательной барщины: 1). своз навоза 2). жатва зерновых хлебов, уборка сена, клевера, картофеля и льна. 3). Молотьба хлеба."[1] Из анализа величины барщинных повинностей видно, что законом 1849 года сохранились и ординарная барщина и вспомогательная, при чем величина их увеличилась, что ставило крестьян в еще большую зависимость от помещика. Как указывалось выше, условия покупки земли зависели от обоюдного "свободного" соглашения. Разумеется, интересы помещиков при этом никогда не ущемлялись, последний предлагал условия, а покупатель вынужден был соглашаться. В этом отношении закон 1849 года, как и за-

---

[1] ПСЗ, т. 24, стр. 417 - 418.

Tartu Ülikooli Raamatukogu
ARHIIVKOGU

коны 1816-1819 года, давали возможность помещикам занять преимущественное положение при заключении так называемых „свободных" соглашений. Это подтверждает и тот факт, что помещик мог продать крестьянскую землю любому покупателю, имея вполне те самые никаких преимуществ. Эта свобода действий давала возможность помещику продавать землю по самой высокой цене. Помещику было предоставлено право дробления крестьянской земли на мелкие участки (до 1/12 га), для сдачи в аренду или для продажи. Приобретая в собственность или арендуя такой участок, его владелец приходил на работу в имение со своей лошадью, телегой и сохой, что очень напоминало времена рабочего на барщине.[1] Этим самым помещик освобождал себя от обязанности обзаводиться

[1] ПСЗ, т. 24, стр. 423.

рабочим скотом и инвентарем и, с другой стороны, он снабжал себя дешевой рабочей силой для обработки своих полей.

Законом предусматривалось основание особого крестьянского земельного банка.[1] Анализируя устав банка, ясно видно, что законодатели заботились не о том, чтобы облегчить крестьянам выкуп земель, а в первую очередь предоставить капитал для помещичьего хозяйства.

Для разрешения спорных вопросов между помещиками и крестьянами, а также надзора за реализацией закона 1849 года, были образованы волостные суды и уездные (они существовали и раньше).[2] Состав суда избирался по воле помещика, поэтому решение вопросов по улучшению положения крестьян полностью зависело от помещика.

Таким образом закон 1849 года

---

1. ПСЗ, т. 24, стр. 386.
2. ПСЗ, т. 24, стр. 406.

дал возможность помещикам ограбить крестьян, отняв у них часть земли и поставив тем самым крестьян в большую зависимость от помещика, но в то же время он способствовал развитию денежной аренды и покупки земли в собственность крестьянами.

Примерно такое же содержание имело законодательство в Эстляндской губернии. Вопрос об аренде и крестьянском землевладении были основными в законе 1856 года. По закону часть своих земель помещик мог использовать только для аренды или для продажи ее крестьянам путем выделения „крестьянской арендной земли" из общей земли имения.[1] Право осуществлять эту меру предоставлялось полностью помещику. „Одному только помещику предоставляется право определять, каким образом и в каких ра-

[1] ПСЗ, т. 31, стр. 406.

нных определяется крестьянская арендная земля в его имении."[1] Но продавать землю крестьянам можно в таком размере, чтобы помещичья земля составляла не менее 150 десятин пахотной земли. Как компенсацию за уступку (выделение крестьянской арендной земли), помещики получили право присоединить к имению 1/6 часть земель, которые до тех пор находились в аренде у крестьян. Таким образом, путем присоединения 1/6 части крестьянской земли к имению (в дефлянции свеаги), помещики добились увеличения своего землевладения. В законе были предусмотрены меры против краткосрочной барщинной аренды, которая в будущем должна была отменена. Вместо нее предполагалось ввести не денежную аренду, как это было в Лифлян-

[1] ПСЗ, т. 31, стр. 407.

а положение крестьян почти не изменилось. Несмотря на кре-постнический характер реформ, которые были проведены в ин-тересах помещиков, они все же имели и некоторое значе-ние, в частности, они давали возможность перехода помещи-чьего хозяйства на капиталисти-ческий лад, дальнейшему раз-витию товарно-денежных отно-шений. Грабительский характер реформ по отношению к крестья-нам вызвал бурю негодования не только самих крестьянских масс, но и передовых деятелей того времени, которые заклеймили позором безземельное освобожде-ние крестьян Прибалтики крепост-ническую политику баронов-крепостни-ков.

II

Критика положения эстонского крестьянства в середине XIX века передовыми русскими общественными деятелями.

К концу 50-х годов XIX века в России сложилась революционная ситуация. Исчерпывающее определение понятия революционной ситуации дано В. И. Лениным в статье „Крах II Интернационала". Каковы, вообще говоря, признаки „революционной ситуации"? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1). Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов", кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для на-

ступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели", а требуется еще, чтобы „верхи не могли" жить по-старому. 2). Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3). Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами", к самостоятельному историческому выступлению."[1]

В Эстляндии накануне революционной ситуации были крестьянские волнения 1858 года. По сравнению с крестьянскими волнениями первой четверти XIX века крестьянское движение 1858 года принимает массовый характер. Об этом говорит тот факт, что если после опубликования закона 1804 года в 16 поместьях прекратили крестьянские волнения,

---

1. Ленин, Соч., том 21, стр. 189-190.

но в 1858 году в движении участвовало 20% всего крестьянства.[1] В условиях нарастающей революционной ситуации любой повод мог послужить толчком к сильному подъему крестьянского движения. В Эстляндии поводом послужило опубликование нового закона. В 1858 году по всей Эстляндской губернии прокатились крупные крестьянские волнения. Крестьяне требовали отмены отработочной аренды, особенно дополнительных отработок и отказывались их выполнять. В начале мая 1858 года вспыхнули волнения в районе Аувере и Вайвара.[2] В конце мая и начале июля произошли крупные выступления крестьян в юго-западной части Харьюмаа. В июле массовые волнения охватили восточную часть Харьюского уезда и Ярвасский уезд, острова Хийумаа и

эст. губ.

---

[1] Кахк, Крестьянское движение 1858 года в Эстляндской губернии (Война в памяти), стр. 223.

[2] Там же, стр. 230.

части Ляшенка. В волне-
ниях главную роль играли
батраки и крестьяне, кото-
рые арендовали землю на осно-
ве отработок. Наиболее зна-
чительным было восстание кре-
стьян имения Махтра и вось-
ми соседних имений в Харьков-
ском уезде, известное под назва-
нием „война в Махтра." Име-
ние Махтра расположено в
южной части Харьковщ. в
1855 году его приобрел во вла-
дение барон Гельфрейх. Что-
бы повысить доходность новый
помещик увеличил барщину и
перекроил лучшие поля.
Большинство бобыльских мест
было уничтожено, у дворохозяев
были отняты покосные земли
и сенокосы, а взамен их да-
ны участки из бывших бо-
быльских земель. Сенокосы были
так уменьшены, что их нехва-
тало даже для прокормки
рабочего скота. Крестьяне реши-

ли не выполнять дополнительных отработок и не явиться на возку навоза в имение. Последнее обстоятельство сильно обеспокоило помещиков. Необходимо было готовиться пар под яровых, а работа на помещичьих полях занимала почти все время, в результате чего у крестьянина не оставалось времени для работы на своем поле. Когда в Лахтра явился сам Гакельрихтер в сопровождении 50 солдат, крестьяне решили почти в имение 2 души, как им было приказано, но за помощью обратились к крестьянам соседних волостей, чтобы не допустить экзекуции. В назначенный день свыше тысячи крестьян, вооруженных кольями и несколькими охотничьими ружьями, явились в Лахтра. Во дворе имения они окружили военный отряд и потребовали его удаления. В ныну перебранки

один крестьянин набросился на капитана и убил его – это послужило сигналом для нападения на солдат. Крестьяне заняли гнездо, но вскоре в Лахтира прибыло 500 солдат, после чего сопротивление крестьян было сломлено. Последний акт душераздирающей лахтинской трагедии разыгрался на поле близ Лахтира 10 февраля 1859 года. Было холодно – от восьми до девяти градусов мороза. Вскоре крестьяне стояли полуобнаженные на морозе. Тела их посинели и дрожали, но сами они холода не чувствовали. Каждый из осужденных должен был теперь ухватиться за обращенный острием к его груди штык ружья, которое держал в руках солдат, тот ступил на дорожку, образуемую двумя рядами солдат, и медленно зашагал по ней, а наказуемый гнал сквозь. С обеих сторон на него сы-

пались удары. Это шествие один из осуждённых начинал с одного, другой - с другого конца, так что они встречались посередине и отсюда поворачивали обратно. Так должны были они ходить до тех пор, пока не истечёт количество присуждённых ударов..... Уже после двадцати ударов тела обоих осуждённых посинели, затем почернели, а затем темнокрасная кровь закапала на снег, где она быстро замерзала. Вскоре отвратительная кровавая тропинка образовалась между обоими рядами солдат."[1] Далее автор пишет: "Народ неподвижной стеной сомкнул круги, глядя на это мрачное зрелище. Все словно застыли в ужасе. Слез больше не было. Пролитые вначале слезы замерзли на щеках. С широко раскрытыми глазами и ртом глядело целое молчаливое, взрослое люди на страшное,

[1] Ф. Вильде, Война в Тахтара, стр. 480-481.

все время сменяющиеся и тем не менее столь однообразные картины. Впервые в жизни им приходилось видеть подобное. Кровь! Всюду кровь! Как она алела и дымилась на солнце, оттеняемая белизной снега! В конце концов глаза перестали различать что-либо, кроме этих багровых пятен и отсветов, застилавших все кругом. В груди все начало задыхаться. Словно в смертельной схватке, лишь кое-где вырывался судорожный стон.... А кровь горячая, красная мужицкая кровь, продолжала литься — продолжала литься потому, что ей было вдоволь."[1]

Жестокую, кровавую расправу над крестьянами Крейцвальд назвал "эстонской трагедией."[2]

В июле 1858 года в Талине была учинена жестокая расправа над 56 крестьянами имения Аллия и Курисоо. В этих имениях крестьяне отказались вы-

---

1. Ф. Вильде, Война в Махтра, стр. 483-484.
2. Крейцвальд, Избранные письма, стр. 8.

полняет дополнительные обработки в период чайной розы. Крестьян, явившихся с жалобой на помещика в губернское управление в Таганы, публично высекли на рыночной площади. Один солдат садится на голову несчастному, другой на ноги. Двое других берут шпицрутены. Это трубки толщиной в четверть дюйма, связанные по три в пучок, так что каждый удар действует, как три удара розгой или как удар толстой палкой... И сыплются, сыплются удары на веках вздувшуюся, огрубелую от тяжелого труда и частых побоев, задубевшую и местную, как подошва, кожу - кожу эстонского крестьянина. Но и сей долго не выдерживает страшных, рвущих ударов шпицрутенами. На коже появляются кровавые рубцы, сливаются, лопаются; тягучая, почти черная кровь брызжет вверх, стекает по спине несчастного, обра-

зует в нашем все шире распространяющуюся лучу."[1]

Во второй половине 50-х годов и в начале 60-х годов XIX века распространяется переселенческое движение в другие области, где, казалось, имелись благоприятные условия для поселения. Это движение охватило Ярвамаа и Харьюмаа и, несмотря на религиозную оболочку, оно по своей сущности явилось выражением классовой борьбы крестьянства против прибалтийских помещиков и пасторов.[2]

Надо сказать, что восстания крестьян тогда не могли быть успешными. Как и в других районах России, в Эстонии "Народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени оставались одиночными, разрозненны-

---

1. Э. Вильде, Хождение в Азию, стр. 135.
2. См. Э. Вильде, Пророк Мальтевей, Т., 1954.

ми, стихийными „бунтами" и их легко подавляли."[1] В это время всех эстонских крестьян угнетало непосильное бремя барщины, все они ненавидели своих помещиков, управляющих, но на восстание все же подымалось 700-800 человек одного уезда.[2] Хотя восстания и были стихийными, в этой борьбе проявились некоторые элементы инициативы и обдуманных намерений, что выражалось в подготовительных действиях и выступлениях - в совещаниях, в призывах о помощи, посылке парочных и т. д.

В условиях обострения классовой борьбы между помещиками и крестьянами, царское правительство вынуждено было встать на путь аграрных реформ, чтобы подавить революционное движение. Поскольку крестьянское движение направлено против крепостного права (в России), против пережитков крепостного права в

1. Ленин, Соч., т. 17, стр 65.
2. Кахк, Крестьянское движение 1858 года в Эстляндской губернии, стр. 342.

Прибалтике, правящие классы в первую очередь занялись вопросом "освобождения" крестьян. Поскольку русские помещики в первую очередь были заинтересованы в "освобождении" крестьян без земли, в это время остзейские аграрные порядки вызвали большой интерес среди русских помещиков, которые пытались извлечь из них опыт и применить для разрешения собственных аграрных проблем. Русская печать 1857-8 годов наполнена хвалебными статьями о крестьянском устройстве в Прибалтике. Так, в "Отечественных записках"[1] напечатана статья "Очерки истории Лифляндских крестьян"; в "Журнале Министерства иностранных дел" напечатана статья "Очерки истории Эстляндских крестьян,"[2] где восхвалялись и превозносились остзейские аграрные порядки, достойные подражания. Однако, бед-

---

1. "Отечественные записки", 1858, №№ 2-3.
2. "Журнал Министерства Иностранных дел", 1857, №3.

ственное положение „свободных" было известно и прямо восхваляло будущее „освобождение" крестьян автору этих статей не осмеливались. Безусловно, приложение русских помещиков-крепостников перед остзейскими аграрными порядками имело в эти годы свое влияние на подготовку крестьянской реформы в России. Но помещиков, готовивших „освобождение" крестьян без земли, за власть, обрушили русские революционные демократы.

Огромное политическое значение получило выступление русских революционных демократов, которые в 50-60-х годах XIX века дали уничтожающую критику прибалтийских аграрных порядков, будучи подлинными выразителями интересов крестьянства, революционные демократы, продолжая вслед за декабристами революционную борьбу с

самодержавием, открыли новый этап революционного движения России. На смену дворянскому периоду революционного движения пришел период „разночинский" или буржуазно-демократический, продолжавшийся до начала массового рабочего движения, руководимого социал-демократией, т.е. примерно до середины 90-х годов. Характеризуя этот второй период русского революционного движения, Ленин отмечал, что дело декабристов не пропало:

„Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Его" подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной Воли." Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом."[1]

Своими выступлениями Чернышевский, Герцен и Огарев мобилизовали силы передовой рус-

1. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14-15.

ской общественности против осязательного способа „освобождения" крестьян, и разоблачении планов, задуманных в кругах реакционных дворян-крепостников, мечтавших о том, как бы увековечить крепостничество на осязательный лад. В эпоху цензурного террора и жандармского произвола Чернышевский, горячо любивший народ и ненавидевший монархический строй, нашел пути для смелого обличения крепостного права. Со страниц „Современника"[1], в большей части в завуалированном виде, Чернышевский наносил сокрушительные удары по эксплоататорскому строю, выступал в защиту крестьянской массы, в том числе и угнетенных баронами крестьян Прибалтики. Печатавшиеся в „Современнике" статьи Чернышевского, каким на каким не оставляли от крепостников, „доказывавших" гибель -

1. Современник — литературный и общественно-политический журнал, выходивший в Петербурге в 1836-1866 годах. Основателем его был А.С. Пушкин.

любви для России отменены крепостного права. Твердо стоя на позициях революционного демократа, Чернышевский неуклонно отстаивал интересы крестьянских масс. „Основываясь принципами своих мнений по делу освобождения крепостных крестьян мы должны принять то, чтобы они не остались безземельными."[1] Поэтому каждая строка Чернышевского по крестьянскому вопросу была, в той или иной мере, направлена против остзейского дворянства, против грабительских законов, использовавших в давление и обиду. Обходя строжайший цензурный надзор, Чернышевский смело разоблачал распространявшиеся самими баронами легенды о „счастливой" жизни прибалтийских земледельцев.

Под руководством Чернышевского в середине 1858 года стали выходить особые „Прибавления" к

---

[1] Чернышевский, Полное собрание сочинений, М, 1948, т. 5, стр. 91-92.

Alles zur Kollektive Material!

„Современнику", которые получили название „Устройство быта помещичьих" крестьян." Первое из помещенных в „Прибавлениях" „Обозрение мер, принятых до сего времени к устройству быта помещичьих крестьян" касалось крестьян прибалтийских губерний. Начала велась ожесточенная печать о патриархальных отношениях между остзейскими дворянами и закабаленным народом Прибалтики была опровергнута „Современником". Журнал отмечал, что на самом деле бароны и угнетенные ими крестьяне всегда были чужды друг другу даже по племени и языку."[1] Автор статьи подчеркнул антинародный характер законов, не устранивших основы старых феодальных отношений. Он показал хищническую сущность разработанных самими остзейскими баронами „реформ" 1816-1819 годов. Эти реформы, по его словам, действо-

1. Современник, 1858 г., №6, приложение „Устройство быта помещичьих крестьян," стр. 1.

только увеличилась успехом в том отношении, что освобождение совершилось спокойно и безубыточно для помещиков. Кроме того, после „освобождения" эстонских и латышских крестьян, как утверждали „Современник", „вещество дворянских" имений значительно увеличилась. А что же получили сами прибалтийские крестьяне от этой долгожданной „свободы"? „Освобождение крестьян повлекло за собой лишение многих крестьянских участков земли, составлявших в их пользовании, для присоединения этих участков к господским полям, и через это непомерное возвышение арендной платы... Все это, особенно в Лифляндии и Эстляндии, повело к обеднению крестьян, бывших и без того уже в незавидном положении."[1] Постоянные репрессии цензурного комитета, III отделения и министерства внутренних дел

---

1. „Современник", 1858 г., №6, приложение „Устройство быта помещичьих крестьян", стр. 2.

не дали возможности „Современнику" выйти за пределы короткого мышления этих законов. Поэтому он ограничился лишь выражением своего искреннего пожелания, чтобы в Прибалтийского крестьянства действительно подвергся коренному улучшению. Но далее некоторые сведения о Прибалтике, которые удалось напечатать в подцензурном журнале, являясь „живым примером того, к чему может привести освобождение крестьян без всякого предоставления им права на пользование землю."[1] Чернышевский и его сотрудники внимательно изучали кабальные условия, в которых находились эстонские и латышские крестьяне. Конечно, великий ученый-революционер не мог оставить без внимания далее те печатные материалы о Прибалтике, которые упоминались в

---

1. „Современник", 1858 г., №6, Приложение „Устройство быта помещичьих крестьян", стр. 3.

обзорах „Современника." Появляется ряд статей, как: „Исторический очерк устройства крестьянского сословия в Эстляндской губернии", „Очерк истории крестьянского сословия в Лифляндии" и другие. Разумеется, „Современник" мог рецензировать только те статьи, которые не вызывали опасений цензуры. Приходилось пускаться на хитрости — только бы обмануть цензуру, только бы придать читателю свою неприятность к крепостническому содержанию „реформ." Давая рецензию на одну из вышеуказанных статей, сотруднику „Современника" удалось протащить такие строки в печать: „Все сообщенное по этому предмету (об отмене крепостничества) приводит к убеждению, что дарование крестьянам одного только права перехода из одного звания в другое, без права собственности или постоянного пользо-

вания на умы, неминуемо должно иметь вредное влияние на быт крестьян."[1]

В 1859 году Чернышевский опубликовал в "Современнике" "Материалы для решения крестьянского вопроса." Выступая против проектов общероссийской реформы, он выдвинул свой демократический проект. В этой статье Чернышевский блестяще опровергает стремление помещиков и правительства, под видом выкупных платежей, совершить новое ограбление крестьян. Он ссылался на Эстонию и Латвию, где уже в 1849 и 1856 годах совершено было подобное преступление. Автором реакционных статей он предлагал "...подумать о том, есть ли для них надобность в таких страшных выкупах, которые определяются некоторыми софистами, рассчитывающими на остудительный манер."[2]

---

1. "Современник," 1858 г., N7, приложение "Устройство быта помещичьих крестьян", №2, стр. 29.
2. Там же, 1859 г., N10, приложение..., N11, стр. 25.

Разрушительную критику всего „остзейскому направлению" дал №10 „Современника" за 1858 год в виде рецензии на книгу барона Гольмстена. „Для устройства крестьян в России, - говорилось в „Современнике", - барон Гольмстен предлагает оставить крестьян навсегда крепостными, уничтожить деревни, заменив их отдельными фермами и обратить часть крестьян в батраков, запретить оброки и ввести повсеместно барщину по определенной законом норме."[1] Настоящее решение аграрного вопроса в Прибалтике, как и в других районах России, Чернышевский видел только в одном — земля должна перейти в собственность крестьян.

В нелегально написанной прокламации „Барским крестьянам от их доброжелателей поклон" Чернышевский призывал крестьян к вооруженному восстанию про-

1. „Современник", №10, 1858 г., стр. 26.

тив крепостничества и царизма. Он разъясняли крестьянам сущность проводимых дворянством реформ, показывали грабительский характер „освобождения". При этом они ссылались на пример безземельного освобождения прибалтийских крестьян — самый безжалостный и откровенный способ ограбления народных масс. Результаты и последствия „освобождения" когда крестьяне становятся безземельными батраками у помещиков, Чернышевский описывал следующим образом:

„А мужику в деревне без хозяйства да без земли что делать, куда деваться, кроме, как в батраки идтиться. Ну и нанимайся. Сладко-ли оно батраком-то жить? Тоже, сами знаете, не больно вкусно, а тогда и гораздо похуже будет, чем ноне живут батраки. А почему будет хуже, явное дело. Как всех-то погонят с земли-то, так везде будут сотни да тысячи пар-

ду шататься да просить полтинников, чтобы в батраки не взяли. Знаешь, умее помещичья воля будет, какое им жалованье определить, они торговаться не могут, как наш батрак с хозяином торгуется."[1] Далее автор пишет: "Есть такие богатые земли, где уже давно завели этот порядок..... У вас наше избы плохи, а там и таких нет: в землянках живут, да в хлевах, а то в сараях больших. В одном сарае семей десяток набито все равно как стадо скота какого. Да и хлеба чистого не едят, а дрянь всякую, как у нас в голодные годы, а у них вечно так. У нас в русском царстве есть такая богатая земля, где город Рига да Ревель, да Митава стоят, а народ там наш христианский и вера у него тоже хорошая, да не по вере та земля богатая, а потому, как в ней народ живет: коли хоро-

1. Чернышевский, Соч., т. 7, стр. 520.

что мужику в какой земле, то и земля добрая, а коли дурно, то и погана." [1] Совершенно правильно описывает Чернышевский быт эстонских и латышских крестьян, который сложился у них после безземельного освобождения от крепостной зависимости. Непригляднаю жизнь крестьян использовала Чернышевским как средство агитации за вооруженное восстание против помещиков и царизма. Он обращался к крестьянам с революционными призывами: „Мужикам всем прилично себя согласье иметь, чтобы дружно быть, когда пора будет." [2]
Беспощадно критикуя положение прибалтийского крестьянства Чернышевский тем самым боролся против помещичьей реформы в России.
Более выгодным было положение Герцена и Огарева, которые имели в своем распоря-

1. Чернышевский, Соч., т. 7, стр. 520.
2. Там же, стр. 524.

шения „Колокол"[1] - орган, не подлежащий царской цензуре.
Будучи еще юношами, Герцен и Огарев дали клятву посвятить свою жизнь борьбе за свободу и счастье народа. Два друга приняли знамя освободительной борьбы, поднятое их предшественниками - декабристами. Пламенно любя свой народ, великие демократы посвятили ему все свои лучшие мысли и чувства. Находясь вдали от Родины, Герцен вел пропаганду, в центре которой стоял вопрос освобождения крестьян. Широко развернутая на чужбине борьба за освобождение крестьянства не могла обойти стороной угнетенные народы Прибалтики. Герцен и Огарев продолжили и углубили ту критику остзейских „особых" порядков, которая исходила до них от декабри-

[1] „Колокол" - революционная газета, издававшаяся в 1857-67 гг. Герценом и Огаревым. Выходила в Лондоне, а с 1865 г - в Женеве.

тов. Уже в 1856 году Герцен имел возможность приступить к выпуску сборника „Голоса из России", в котором еще до „Колокола" было подвергнуто печатной критике „Положение о крестьянах Эстляндской губернии". Автор присланной Герцену статьи - Чичерин[1], хотя и был либералом, был вынужден признать, что новый закон, превозносимый самими эстляндцами, охраняя только интересы помещиков, а положение крестьян не удовлетворяя никакого внимания. Одна из лучших статей, поступивших в редакцию из России, подвергала сомнению целесообразность осуществленного в Прибалтике безземельного „освобождения" крестьян: „У нас это совершилось недавно в остзейских губерниях. Последствия ... страшная бедность нашего народонаселения. Это несомненно и причина его лени.

1. Любарский, Слово о прошлом, Т. 1956, стр. 240.

Она заключается в том, что народонаселение, которое по самому существу своему должно быть владычествующим и оседлым, оказывается бездомным и бродячим."[1] Это были первые печатные строки об эстонцах, миновавшие цензуру. А вскоре в Россию стали поступать листы „Колокола", и материалы о положении прибалтийских крестьян уже не сходили со страниц вольной русской печати. Уже в четвертом номере „Колокола" 1 октября 1857 года Герцен обрушился на прибалтийских баронов, отвергнув ту позорную „свободу", которую они „даровали" крестьянам. Автор заметки с возмущением отзывался об издевательском законе, который оставил „за крестьянами все преимущества голодной и нищенской жизни", называя его „тайным освободительным, спасительным" со всей лукавой пре-

1. Литературное наследство, т. 62, ч. II, стр. 317.

душевной ограниченностью мелких плантаторов."[1]

Седьмой номер „Колокола" открывался статьей „Освободительные крестьяне", которая излагала высказывания о подготовлявшейся общероссийской крестьянской реформе и отмечала, что за образец „освобождения" брались законы остзейских губерний. „К нашим русским, начинающим новое дело, - писали они, - цепляться за узкую точку зрения мелких баронов-плантаторов!"[2]

Автором статьи был Огарев. Он на страницах „Колокола" разоблачил всевозможные уловки, к которым прибегали остзейские бароны, чтобы удержать в своей кабале „свободных" людей. Возможность переселения крестьян в другие губернии при условии, если в его собственной губернии насчитывалось 140 тысяч ревизских душ, закрепощенных помещиком в

---

1. „Колокол", №4, 1 октября 1857 г., стр. 31.
2. „Колокол", №7, 1 января 1858 г., стр. 55.

городах — таковы, как утверждает Огарев, сабельные „преимущества" эстляндского законодательства. „Нет, нам не надо подражать остзейским баронам, - заявлял „Колокол" - будем с них и того, что они вперлись в русскую администрацию, в русскую службу, на которой являются самыми жирными чиновниками и самыми будущими фрамистами; а подражать им в том общественном устройстве, которое они создали для несчастного латышского племени остзейских губерний, нам не приходится."[1]

В 1858 году вышла брошюра „Об усовершенствовании узаконений, касающихся до воспитания прав дворянства," автором которой был ярый сторонник полицейско-самодержавного строя безобразов. „Колокол," извлекши из нее „Выход книги, обращен-

1. „Колокол", N 7, 1 января 1858 г., стр. 55.

ся на её автора с такой статьей. Подобная рабовладельческая писанина, утверждал Огарев, призвана помешать освобождению крестьян. Ссылки автора на Прибалтику, где сама история с эстляндскому дворянству должны были служить обнадеживающим обществом мнением. И Огарев потребовал наконец прекратить „ссылаться на эстляндские губернии, где было сделано не освобождение, а новый вид рабства."[1]

Комментируя выступления двух помещиков-крепостников на заседании одного губернского комитета, Огарев опровергает распространявшиеся тогда слухи о Прибалтике. Он отметил всю лживость и беспочвенность их утверждений о том, что даже закон 1816 и 1819 годов, будто бы, принесли эстляндцам и лифляндцам „самые благодетельные последствия, возвысив благосостояние крестьян." „Пора перестать сво-

1. „Колокол", №15, 15 мая 1858 г., стр. 119.

лагься на личное освобождение крестьян остзейских губерний которое отдало крестьян под безусловный гнёт помещиков на законном основании."[1] Критике прибалтийских аграрных порядков были посвящены в той или иной мере и другие статьи. Например, в статье „Материалы по крестьянскому вопросу" автор говорит, что подготовленная баронами и дарованная царем „свобода" не изменила да и не могла изменить положение земледельцев Прибалтики. Прошло уже несколько десятилетий после введения остзейских законов а принесенные ими плоды потрясают горожан. Перед нами, как и раньше, „немое население крестьян, не имеющих собственности, зависящих совершенно от юрисдикции дворянства, предъявляющей в организованной стачке против крестьян. Поэтому весьма естественно, что сельское население низшее, немое,

1. „Колокол", №30-31, 15 декабря 1858 г., стр. 245.

недовольное, можно сказать нескрываемое... Особенно жалко положение значительного класса будущих работников."[1] „Колокол" не ограничился только критического описания. Он отмечал, что свобода, несмотря на ряд реформ, еще не коснулась Эстонии и Латвии. Борясь за освобождение крестьян с землей, Герцен и Огарев предлагали распространить этот принцип и на Прибалтику.[2]

Вторая половина 50-х годов XIX века была периодом, когда по Эстонии прокатилась волна мощного крестьянского движения. Корреспонденты „Колокола" сообщали Герцену такие подробности о крестьянских волнениях, которые были мало известны даже в самой России. Будучи выразителями интересов народа, „битого полицией и засеченного помещиком"[3], „Колокол" придавал гласности поступавшие факты.

---

1. „Колокол," №26, 15 октября 1858г., стр. 211.
2. „Колокол", №30-31, 15 декабря 1858г, стр. 245.
3. „Колокол", №5, 1 ноября 1857г., стр. 38.

Уже в 1858 году Герцен и Огарев предчувствуют, что настоящего решения крестьянского вопроса от правительства ожидать нельзя. Они писали: „Александр II не оправдал надежд, которые Россия имела при его вокарении."[1] 1 октября 1858 года в „Колоколе" была напечатана статья „Письмо к редактору." Автор корреспонденции с возмущением отзывался о мнимой свободе „великодушно" пожалованной народам Прибалтики. „Такою свободою можно надуть камергера, генерал-адъютанта, любого из министров, можно дать им какую-либо блестящую бляху на лоб, на шею или куда на другое место, они будут счастливы; но 12 000 000 крестьян на это не поддешь!"[2]

Выход в свет закона 1856 года, ознакомление с ним привело к подаче надежд крестьян на облегчение капиторгабот. Крестьяне не удалось „поддеть" на дарованные им „блага" и освободительные дви-

1. „Колокол", N , 1 июля 1858 г.,
2. „Колокол", N 25, 1 октября 1858 г., стр. 202.

V Ст. Кибб

нешие приняло в Эстонии грандиозные размеры. Этот грозный рокот обманутых людей, готовых смыть с себя позорные оковы крепостной работы, услышали Герцен и Огарев. „... надо бояться озлобить 12.000.000 крестьян; они страшны потому, что их революция перевернет все вверх дном, а с ними не сладишь, если им обещал более, нежели сколько им дашь. У нас совершенно иначе: крестьяне наши – бараны.' Да, бараны они до первого Пугача. Баранами они были, пока им не давали никакого надзора на освободителя; но что будет теперь, когда им обещали свободу, да потом только по губам помазали. Бараны – не станут они волками! Войском не осилишь этих „баранов" – волков. Пустите бы я вас сюда в казармы, в лагерь, на парад, на ученье, дали бы вам потолкаться между солдатами, прислушаться к их речам... ...и вы бы согласились со мной, что солдаты за крестьян, а не за царя."[1]

1. „Колокол", №25, 1 октября 1858, стр. 202.

Говоря о том, что царь усиливает власть генерал-губернаторов, чтобы тем легче подавлять власть крестьян, автор восклицает: „Слышите ли, бедняки – плены ваши надежды на меня – говорит вам царь. На кого же надеяться теперь! На помещиков? Никак – они заодно с царем и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость своих рук; заострите топоры, да за дело – отстаивайте кровное право..... будет недаром мыкать горе; давно уже ведете, а чего дождались?[1]

Автор „Письма" был очень хорошо осведомлен о волнениях эстонских крестьян. Против бунтовщиков были посланы войска и крестьянских ходоков в кандалах, под усиленной конвоем привели на расправу в Таллин.

Особенного размаха достигли волнения в Лифляндии. Об этом крупном восстании знали Герцен и Огарев. Корреспонденты „Колокола" не обошли

---

1. „Колокол," №25, 1 октября 1858, стр. 202.

молчанием и ходоков из села. Они поведали о том, как 58 крестьянских депутатов пришли в Таганск, чтобы найти там управу на своего помещика. Но не правда и розги ожидали шумную крестьян у резиденции губернатора. Когда крестьяне вступили на Вышгородскую площадь, их окружила рота солдат. В четыре часа пополудни 2 6 июля 1858 года тишину таганских улиц нарушила резкая барабанная дробь. Это была увертюра к указному зрелищу, заранее подготовленная местными властями. „Не станем передавать шумные подробности, звериную жестокость палачей - мы, русские, знали эти сцены, - писали герцену из Этюши, - довольно сказать, что чиновник особых поручений при Таганском губернаторе Стакельберг спрашивал мужиков крестьян: „Будешь теперь работать на барина?" И если тот не отвечал просто „да", Стакельберг обращался к солдатам с приказанием „бить его еще"... Что нам стоит

прибавлять – стыд все гнусно, все преступно, все отвратительно!"[1].

Это письмо было опубликовано в "Колоколе" под гневным заглавием – „Германские рыцари XIX столетия в Лифляндии". Автор статьи неизвестен; почти все статьи, поступавшие в редакцию „Колокола", были анонимными и подписывались псевдонимами, а оригиналы опубликованных Герценом писем еще не найдены.

В начале 1860 года „Колокол" опубликовал нувеллетное „Письмо из провинции". Оно было адресовано Герцену и прислано за подписью „Русский Человек." Долгое время автором „Письма" считали Чернышевского. Бушкаиец в своей статье[2] приводит ряд доводов, говорящих о принадлежности „Письма" Добролюбову. Окончательно вопрос об авторстве „Письма" еще не выяснен.

Оно рассказывало о том, что „после издания рескриптов все осталось в ходу, как будто дело

---

1. „Колокол", №9, 1 декабря 1858 г., стр. 135-136.
2. Бушкаиец, К вопросу об авторе письма „Русского человека в „Колоколе" А.И. Герцена, №, 1951, стр. 180.

конечно, крепостная свобода и с землею; все заговорили об умеренности, об мирном прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою." А народ, между тем, попрежнему молчал в земле и, „вслушиваясь в крестьянские толки, можно было с радостью видеть, что народ не увлечен 19 лет работою подготовительного сословия и что мысль, надолго ли крестьян землею у народа была на первом плане." [1] Но в то время, когда русский крестьянин был готов с дубиной идти на помещика-душегуба, либералы пустили в ход эмансипацию и другие „положения," с помощью которых надеялись быстрее и легче обмануть крестьянские массы. Разумная вера в благие намерения Александра II Вешателя, „Письмо из провинции" призывало „Колокол" звонить в набат и поднимать

[1] „Колокол", №64, 1 марта 1860 г., стр. 534.

Русь к топору. Этот призыв к революционной борьбе должен был касаться и народов Прибалтики, страдавших от жестокого крепостнического гнета.

Вольное русское слово Герцена и Огарева могуче звучало в Прибалтике — слово друзей и защитников эстонских крестьян, непримиримых врагов эстонских баронов. Оно находило в многих сердцах горячий отклик.

Под влиянием „Колокола" в Пайде в 1858 году образовалась группа демократически настроенной молодёжи, которая ставила своей целью защиту интересов эстонского крестьянства. Это были русские чиновники губернского правления, которые были в связи с демократически настроенными пайдескими жителями (Крейцвальдом и др.).[1]

Группа эта объединяла в своих рядах педагога и публициста Благовещенского, поэта, художника и фольклориста Руссова, педагога

1. Крейцвальд, Избранные письма, стр. 6.

Кокса.[1]
Есть предположение, что автором опубликованной статьи в „Колоколе", германские рыцари „XIX столетия в Эстляндии" является один из членов Талькиской группы. При анализе статьи видно, что автор её очень хорошо знаком с местными условиями: в ней нет ни одного неправильно написанного имени; кроме этого важно заметить, что автор статьи очень хорошо информирован о том, что происходило во дворце Тюлпена. Такие точные сведения мог иметь человек, или лично участвовавший в описанных событиях, или имеющий доступ к документам. Есть предположение, что автором статьи был Фридрих Бурсов, который был в то время секретарем Эстонской Государственной палаты.[2]
Летом 1858 года группа составила „Записку о эстляндских кре-

1. Крейцвальд, Избранные письма, стр. 8.
2. Miller, A.I. Kevzeni sidemeist Tallinna progressiivsete haritlaskega, Известия АН ЭССР, № 1, 1954.

стьянах,"[1] и направили ее министру внутренних дел. Как Герцен и Огарев в 1858 году они надеялись на царя, так и их единомышленники в Таллине возлагали надежды на министра. „Записка" защищает интересы крестьян, называет их требования справедливыми. Автор подробно осведомлен о событиях в Лифляндии, имеет подробные сведения о некоторых местах Эстонии. Предполагается, что автором ее был или Благовещенский или Руссов.

В 1861 году из Берлина в Ригу было доставлено несколько экземпляров книги „Эстонец и его господин". Для объяснения экономического положения крестьян и вообще их состояния в Эстонии. Сочинение не „эстонца да и не его господина." Через несколько дней все экземпляры книги были распроданы.

Остзейские бароны и пасторы всячески старались узнать имя автора книги, посмевшего показать

[1] Кохх, „Колокол" Герцена и крестьянское движение в Эстонии накануне и во время революционной ситуации 1859-1861 годов, Известия АН ЭССР, стр. 459. №3, 1953.

всему свету истинное лицо „благородного" прибалтийского дворянства. Сама книга мало сведений давала об авторе. Известно, что он длительное время жил в Германии, во время наездов из Дании он был в Германии. Ходили слухи, что книгу написал Василий Благовещенский. Следует отметить, что В. Благовещенский окончил Московский университет, был знаком с идеями русских революционных демократов и это, несомненно, сказалось на его литературно-публицистической деятельности. Он изучал положение крестьян Эстонии, был свидетелем крестьянских волнений, не раз видел жестокие расправы над крестьянами. Тайно он сообщал о событиях в Эстонии Герцену.[1] Многие знали об интересе Благовещенского к экономике Эстонии, о работе его над какой-то статьей. Поэтому время о принадлежности

1. Кренцвальд, Избранные письма, стр. 8-9.

ему книги так и не развеяла. До сих пор автор книги точно не установлен.

Поводом к написанию книги послужило увиденное автором путешествие ходоков из Ашхабада в Ташкент. "Случайно ли виденное показалось 60-ти крестьянам домохозяев или корреспондентов возмутительным для всякого человека чувства, произвело на него такое впечатление, что он долго не мог ни о чем другом и думать. Страшная представившаяся ему картина преследовала его днем и ночью, и он решился подробнее узнать судьбу народа среди которого так долго жил, по положению которого было так решительно во все круга его занятий. Ему хотелось ознакомиться покороче с нравами этого народа, который, несмотря на то, что дал свое название целой области, кормит ее в качестве земледельца, оборонял в звании воина и доставляет ей все потребности и все удобства

в качестве слуги и работника, однако все же шепе в полной зависимости, удрученности, пренебрежении. Ему хотелось знать, зачем это еще очень сильное, племя так совершенно отдано в руки касты, из всех 98 дворянских семейств, которые, считая весь этот народ за нарив, ненавидят однако, трудом его кормящий."[1]

Автор книги стремился показать горькую, страшную правду. Уже первые главы говорили о прогрессивных общественно-политических и исторических взглядах автора. Он обнажает всю мерзость хваленого "особого порядка" остзейских губерний, показал, к чему свелись предпринятые в Эстонии крестьянские реформы. Характеризуя положение эстонского крестьянства, автор книги подробно останавливается на анализе закона 1856 года.

"Любое из постановлений 1856 года имеет такой смысл, как будто

1. Эстонец и его господин, М., 1872, стр. 3.

бы эстонские помещики все еще были крепостями, которые еще в 1816 году получили свободу, которым 40 лет назад дарованы гражданские права, которые составляют особенное сословие, освобожденные от крепостной зависимости помещиков."[1] Помещик мог запомнить несостоятельного и управлять долга крестьянина на два года в свою пользу, используя его подобно средневековому рабству. В книге сообщалось о многих других средневековых привилегиях прибалтийского дворянства: о последнем праве помещика опротестовывать брак крепостного крестьянина; о запрете продавать крестьянину сено, солому и даже камни со двора своего без разрешения помещика. „Так поступают господа со своими рабами, так поступают они теперь со свободными крестьянами, и так же будут поступать и с арендаторами."[2]

Автор рассказал о многочисленных

1. Эстония и его господин, стр. 89.
2. Там же, стр. 87.

грязных и позорных махинаций, с помощью которых бароны грабили и обманывали всегда голодных, всегда нищих людей. „Найдется и такой господин, который давать ему 100 фунтами сена больше, чем следует, под тем предлогом, что при возке господского сена в сараи едят его крестьянские лошади. А другой вычитает у крестьянина из отбиваемых на него дней то время, которое употребляют его работники на поимку и запряжку своих лошадей после завтрака или обеда. Третий требует оброчных овец вместо осени, еще весною, и тем самым лишает крестьян ягнят."[1] Повинности были так велики, что крестьянин, нередко, не мог удовлетворить требования помещика. И он вынужден был питаться хлебом, больше похожим на торф, и горевшим, как торф, потому что в нем наполовину было мякины. А в весенние месяцы вся его пища ограничивалась почти хлеб-

1. Эстонец и его господин, стр. 53-54.

сой из горячей воды, в которую подмешивали пригоршню ржаной муки, бросали немного соли и собранный на полях картофель, уже полусгнивший.

Книга, хотя и имеет ряд недостатков, исполнена большой обличительной силы и справедливой ненависти к прибалтийским баронам; она явилась мужественным выступлением в защиту угнетенного эстонского народа.

Рассматривая деятельность группы демократически настроенной интеллигенции, нельзя не остановиться на творчестве выдающегося эстонского писателя Эдуарда Вильде; хотя романы его и написаны в конце XIX начале XX веков, их можно рассматривать продолжением демократического направления, которое сложилось в 1850-1860 годах. Центральной темой его трилогии являются крестьянские волнения, положение крестьянства. „Война в Махтра", „Ходоки из Ашия", „Пророк Малтсвей"

повествующей о жизни многострадального народа, жаждущего своего освобождения. Его стихийная борьба, полная неудач и жертв, была в то же время прогрессивной, поскольку она подрывала и расшатывала устои феодализма, тем самым расчищая путь для развития феодализма.

Автор вводит читателя в душные, грязные лачуги крестьян и батраков, где царит нищета и голод, где люди живут инстинктами и надеждами на новый царский закон, который должен, наконец, избавить их от непосильного труда и произвола баронов. Бедным крестьянским лачугам противопоставляется в романе прекрасный барский дом, где хозяева жизни утопают в роскоши, где устраиваются балы и маскарады, увлекаются искусством и музыкой, где равнодушно относятся к душераздирающим крикам женщин и детей, избиваемых до потери сознания.

В эпоху террора, гнёта и застоя передовые деятели общественно-политической мысли в России сумели сказать суровую правду о прибалтийских окраинах. Выступления Герцена, Огарёва, Чернышевского, политических ссыльных показали, что против реакционной политики прибалтийского дворянства в середине XIX века шла не только стихийная борьба крестьянства, но и поднялось и демократическое движение. Великие идеологи русской революционной демократии, глубоко изучив все аспекты крепостнического и самодержавного, последовательно проводили идею крестьянской революции, боролись за осуществление этой идеи. В общедемократическом освободительном движении середины XIX века они видели активную участников крестьянской революции.

Заключение.

Социальная сущность крестьянства вообще и его положение определяются характером господствующего способа производства. Положение эстонского крестьянства в первой половине и в середине XIX века определяет довольно быстрый процесс разложения феодально-крепостнических отношений и формирование на базе того капиталистического способа производства. В аграрной исторической истории Эстонии победил эволюционный, реакционный путь развития капитализма, который был связан с тяжелыми для крепостничества последствиями. „Освобождение" крестьян было проведено в интересах помещиков. На свое разрешение крестьяне ответили усилением классовой борьбы, что

страшало борьбу за ~~прусский~~ революционный путь развития капитализма в [illegible] сельском хозяйстве. Классовая борьба эстонского крестьянства в середине XIX века в Эстонии явилась составной частью революционной ситуации.

Дальнейшее экономическое развитие Эстонии обострение классовой борьбы были причиной проведения новых буржуазных реформ 60-х годов XIX века явившихся одними из звеньев общих реформ проводимых в России. Отмененный в 1863 году закон о расширении прав крестьян на передвижение ставил тем самым развивающуюся промышленность рабочей силой. В 1865 году правительство запретило помещикам применять телесные наказания; в 1866 году издано положение о волостной общественном управлении.

В защиту прав эстонского

крестьянства выступили идеологи русской революционной демократии Чернышевский, Герцен и Огарев. Критикуя положение эстонского крестьянства, они дали самый разоблачение классовую сущность аграрных реформ в Прибалтике. Их критика, таким образом, являлась мощным средством борьбы против аграрной политики самодержавия, за освобождение крестьян с землей без выкупа, за крестьянскую революцию.

Проникновение идей революционной демократии в Прибалтику и ознакомление с ними передовых деятелей Эстонии способствовало и укрепляло в них освободительную идеологию.

Духовное единение передовых людей двух национальностей имело большое значение в деле укрепления исторической дружбы между эстонским и русским народами. Правильная критика состояния трудового

народа Эстонии в середине XIX века сыграла историческую роль в формировании революционного союза двух народов в борьбе против царского самодержавия.

Библиография

Классики марксизма-ленинизма:

1. Маркс, Капитал, т. 1, М., 1953.
2. Ленин, В. И., Проект речи по аграрному вопросу во II государственной думе, Соч., т. 12, М., 1954.
3. Ленин, В. И., Аграрная программа социал-демократии в русской революции, Соч., т. 15, М., 1954.
4. Ленин, В. И., Пятидесятилетие падения крепостного права в России, Соч., т. 17, М., 1954.
5. Ленин, В. И., Памяти Герцена, Соч., т. 18, М., 1954.
6. Ленин, В. И., Крах II Интернационала, Соч., т. 20, М., 1954.

Источники:

7. „Колокол," Лондон, 1857-1860.
8. "Кайзвальд, Избранные письма, Т., 1953.
9. Литературное наследство, т. 62, М., 1955.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. 36, Издание первое, СПБ, 1916.
11. Полное собрание законов Российской империи, т. 34, Изд. первое, СПБ, 1919.
12. Полное собрание законов Российской

империи, т. 24, изд. второе, СПБ, 1949.
13. Полное собрание законов Российской империи, т. 31, изд. второе, СПБ, 1956.
14. „Современник" СПБ, 1858-1859.
15. „Чернышевский", барским крестьянам от их доброжелателей поклон, Собр. соч., т. 7, М., 1950.
16. Эстонец и его господин, Берлин, 1871.

Монографии и исследования:

17. Бушкаиц, К вопросу об авторе письма „Русского человека" в „Колоколе" А. И. Герцена, Известия АН СССР, М., №2, 1951.
18. Земцев, О квотной земле в Лифляндии, Рига, 1913.
19. Земцев, Остатки феодального строя в прибалтийском крае, Ю., 1916.
20. Кахк, „Колокол" Герцена и крестьянское движение в Эстонии накануне и во время революционной ситуации 1859-1861 гг., Известия АН ЭССР, №3, 1953.
21. Кахк, Крестьянское движение 1858 года в Эстляндской губернии (Война в Маарья). Кандидатская диссертация, Л., 1954.
22. Хиис, Päinajäänee aöda, Тарту, 1927.

23. Мобарекский, Слово дружбы, Т., 1956.
24. Miller, Nekrasovi sidemeist Tallinna progressiivsete haritlastega, Ajaloolised Artiklid, №2. 1954.

2.

Дополнительная литература:

25. Вильде, Война в Махтра, Т., 1951.
26. Вильде, Хождение из Азии, М., 1956.
27. Вильде, Пророк Малтсвей, Т. 1954.
28. История Латвийской ССР, ч. 1, Рига, 1952.
29. Eesti NSV ajalugu, ч. 1. Т., 1955.

Оглавление

стр.

I. Введение 1-5

II. Положение эстонского крестьянства в середине XIX века 6-56

III. Критика положения эстонского крестьянства в середине XIX века передовыми русскими общественными деятелями 57-106

IV. Заключение 107-110

V. Библиография ..... 111-113.